

Топливный кризис на Псковщине в годы Гражданской войны

Тема использования лесных ресурсов Псковской области неоднократно поднималась в средствах массовой информации. Обсуждение данного вопроса ведется как с экономической, так и с политической точки зрения.

Данная тема специально не рассматривалась, лишь в исторической литературе. Специально не рассматривали, лишь частично исторический аспект затрагивался в специальной литературе, посвященной вопросам развития лесного хозяйства. Это несколько работ, вышедших в послевоенный период: «Лесотехнический словарь-справочник», «Развитие русского лесоводства» и др. В названных работах сравнивался опыт ведения лесного хозяйства в до- и послереволюционные периоды, делался вывод о преимуществах советской системы хозяйствования и, исходя из этого, ставились задачи на будущее.

Среди важнейших опубликованных источников по теме следует назвать законодательные акты, принимаемые как центральными, так и местными органами власти.¹ Второй вид опубликованных источников – это статистические данные. В частности, это статистический сборник 1926 г., посвященный развитию лесного хозяйства в Псковской, Новгородской, Ленинградской и Череповецкой губерниях.²

«Северный край вообще, в частности наша Псковская губерния, относится к губерниям наиболее лесистым. У нас нет залежей каменного угля, руды. Нет золотоносной жилы или особенно урожайных земель. Всем -то мы бедны, кроме леса. И вот, начиная почти со дня свободы наше единственное богатство – лес – расходуется бесхозяйственно, неумело или расхищается направо и налево»³ – эта цитата из газеты «Псковский набат» наилучшим образом характеризует ситуацию в лесном хозяйстве Псковщины в первые послереволюционные годы.

Старшова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, ст.преподаватель кафедры отечественной истории Псковского госпедуниверситета им.С.М.Кирова

В условиях Гражданской войны, разрывающей государство на части, большое значение имела хозяйственная политика противоборствующих сторон. В частности, в условиях военного времени была актуальна задача организации добычи топлива и топливоснабжения населения, армии, промышленности. От того, насколько эффективно «претенденты на власть» будут решать комплекс хозяйственных вопросов, во многом зависел исход «спора».

Важнейшие топливные базы страны (Донбасс, нефтяные районы Баку, Кузнецкий бассейн в Сибири, угольный район Урала) в 1918-1919 гг. находились под контролем белогвардейцев. Большевистское правительство на контролируемой территории должно было организовать добычу, планомерный учет и распределение всех видов топлива. 30 ноября 1918 г. в целях объединения усилий фронта и тыла был образован Совет рабочей и крестьянской обороны под председательством В.И. Ленина. Решения Совета были обязательными для всех ведомств. Им устанавливались нормы топливоснабжения, а распределением топлива ведал Главный топливный комитет (Главтоп) и его губернские органы (губтопы). Специальным постановлением правительство запретило распределение без разрешения Главтопа и его местных органов всех без исключения видов топлива, в т.ч. древесного, торфяного, минерального, керосина, смазочных масел, бензина и газа. Самочинный захват топлива рассматривался как хищение военных грузов. Работы по погрузке, перевозке и выгрузке топлива приравнивались к военно-оперативным заданиям.

Основными источниками топливоснабжения в 1918-1919 гг. в европейской части Советской России стали заготовка дров, добыча угля в Подмосковном бассейне, добыча торфа и сланцев. Органы советской власти организовывали с привлечением старых специалистов разведывательные работы по выявлению залежей полезных ископаемых на подконтрольной территории. Дрова заняли главное место

в топливном снабжении промышленности, транспорта, городов. За период с 1916 по 1920 гг. в структуре топливного баланса страны произошли следующие изменения: доля каменного угля упала с 67% до 36%, нефти – с 19% до 10%, а доля дров выросла с 14% до 50%.

В Псковской губернии Губтоп должен был организовывать заготовку леса и торфа. Основным топливным источником губернии оставался лес. На Псковщине не существовало значительной дореволюционной базы торфоразработки, а в условиях войны Губтоп не имел финансовых и людских ресурсов для её расширения. При этом работа губернского комитета не ограничивалась обеспечением местных потребностей в топливе, но была направлена на помощь фронту. Ижорский завод Петрограда телеграфировал 12 апреля 1919 г. в Совет обороны о том, что с 15 февраля было выпущено три бронепоезда, на большее не хватало топлива. Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии на запрос Совета обороны о мерах помощи заводу ответила, что топлива нет. Обычным явлением на заводе стал простой. Для поддержания работы петроградских военных заводов в октябре 1919 г. им были переданы все запасы дров в радиусе 100 верст вокруг Петрограда. Шла мобилизация петроградских рабочих на заготовку дров в соседних губерниях, в т.ч. в Псковской. Губернский топливный комитет должен был обеспечить прибывших рабочих инструментами и жильем, наладить транспортировку заготовленной древесины.

Советские органы власти стремились централизовать работу транспорта. Ежемесячные государственные планы грузоперевозок устанавливались Высшим Советом по перевозкам при Совнаркомом и утверждались Советом обороны. Планы местных грузоперевозок устанавливались, исходя из единого плана, Окружными комитетами по перевозкам. Губтоп согласовывал свою работу по вывозке древесины на ближайший месяц, но нередко план срывался, т.к. железнодорожные составы перебрасывались для выполнения военно-оперативных перевозок.

Топливный кризис был тесно связан с транспортным кризисом. С большими перебоями снабжались топливом железные дороги, что вызывало сокращение пассажирского и товарного движения. С 1918 г. железные доро-

ги республики были переведены на военное положение. А весной следующего года даже были введены военно-революционные трибуналы на железных дорогах. Устанавливалась ответственность местного населения за сохранность железнодорожного полотна, мостов и подвижного состава. Весной и летом 1919 г. для нужд железнодорожного транспорта реквизировалась половина запасов дров, заготовленных государственными фабриками и заводами, учреждениями. В связи с этим еще более ухудшилось топливоснабжение промышленных предприятий.

Главной проблемой топливозаготовок была нехватка рабочих рук. В декабре 1918 г. был приостановлен призыв в армию всех работников топливной промышленности, в т.ч. лесорубов, лесовозов, торфяников, углекопов. А в июне следующего года Совет обороны объявил их мобилизованными на военную службу, они обязаны были выполнять среднюю урочную норму выработки, не могли самовольно оставлять работу. Однако на местах военкомы не вели специальный учет тех, кто участвовал в заготовке топлива, и призывали их в Красную Армию. Архивные материалы свидетельствуют о бесконечных разногласиях между Псковским Губтопом и военными ведомствами. В условиях низкой оплаты труда на государственных лесозаготовках частные заготовительные организации переманивали мобилизованных трудармейцев, повышая им заработную плату.⁴ На заготовительный сезон 1920/1921 гг. губернии требовалось около 16 тыс. человек, занятых на заготовке и перевозке топлива, а имелось только 2 тыс. рабочих. Лишь в Великолукском и Торопецком уездах дефицита рабочих рук не ощущалось. Там заготовка топлива находилась в ведении командования Западного фронта.

Обычным явлением в эти годы становится трудовая мобилизация населения. В подобных случаях население работало на лесозаготовках бесплатно, само должно было заботиться о необходимых инструментах. В 1919 г. для усиления заготовки и вывозки дров в районах, богатых лесом и прилегающих к железным дорогам, был объявлен двухнедельник трудовой и гужевой повинности. Каждый трудоспособный гражданин должен был заготовить с 1 по 15 марта 2 куб. сажени дров; норма гужевой

повинности на каждую лошадь – вывозка не менее 2 куб. саж. дров. Трудоспособными гражданами считались мужчины с 16 до 50 лет и женщины с 18 до 40 лет. От выполнения трудовой повинности освобождались инвалиды, рабочие и служащие, занятые на государственных предприятиях; женщины с детьми до 8 лет. Закрепление рабочей и гужевой силы допускалось из населенных пунктов, находящихся не далее 20 верст от лесосечных участков. Задания на заготовку и вывозку леса объявлялись гражданам представителем уездного отдела труда на общем собрании.⁵ Принудительное привлечение населения к лесозаготовкам не принесло ожидаемых результатов. Уездные лесные отделы сообщали, что заготовка и вывозка дров к железнодорожным станциям задерживается, ввиду «неоправдавшихся надежд по проведению трудовой повинности».⁶

13 ноября 1919 г. Центральный комитет РКП (б) обратился к парторганизациям с письмом «На борьбу с топливным кризисом». Перед большевиками ставилась задача организовать работу населения, «добиться революционного напряжения энергии для самой быстрой добычи и доставки наибольшего количества всяческого топлива, угля, сланца, торфа и так далее, а в первую очередь дров, дров и дров».⁷ Псковский Губком партии мобилизовал на заготовку леса по два коммуниста от каждой уездной организации. В районы лесозаготовок направлялись коммунисты от промышленных предприятий региона. Так, в распоряжение Псковского Губсовнархоза был направлен рабочий Ижевского оружейного завода коммунист Василий Иванов. Но губерния не справлялась с выполнением заказа по лесозаготовкам: требовалось заготовить и вывезти к железным дорогам и сплавам 28 тыс. куб. м. леса, а было вывезено лишь 3 тыс. куб. «Катастрофа неминуема», - было заявлено на губернском партийном совещании.⁸

В целях стимулирования работ по заготовке и вывозке дров предполагалось премирование продуктами и промышленными товарами, прежде всего мануфактурой и солью. Но лесозаготовительные работы не обеспечивались в достаточном количестве даже необходимыми продовольствием, фуражом, инструментами. Так, в 1918-1919 гг. каждому лесорубу полагалось выдавать ежемесячно по 30 фун-

тов хлеба и 2,5 пуда овса на рабочую лошадь, а фактически за весь заготовительный сезон было выдано по 36 фунтов хлеба на лесоруба и по 2,5 пуда овса на лошадь.⁹ Сами нормы снабжения продовольствием и фуражом определялись условно. Считалось, что для заготовки одной куб. сажени дров в день требовалось три рубщика с нормой полтора фунта муки каждому.

Лесозаготовительные работы велись в спешке, каждый из руководителей отвечал за «свой участок». Так, например, в 1919 г. к реке Волкоте (приток Западной Двины) было вывезено 2300 куб. сажени дров, но они не были сплавлены, поскольку не было подготовлено прислужного материала (к реке не были привезены бревна, необходимые для сплава, т.к. не предусматривалась оплата этого вида работ продовольствием). Когда данная проблема была поднята на собрании представителей уездных лескомов в феврале 1920 г., то было решено создать еще одну (!) организацию – институт уполномоченных по сплаву. Компетенция уполномоченного распространялась на бассейн одной реки (Великая, Зап. Двина, Ловат, Шелонь), а не на уезд.¹⁰ Располагая информацией о размерах вывозки леса к реке, он давал задания по заготовке прислужного материала (прутьев, жердей, другалок, сгнивы, клиньев), по вырубке зарослей вдоль берегов рек. Уполномоченные могли дать разрешение на реквизицию у населения железа (для сплава нужны были багры), изъятие у бывших купцов снастей, используемых для укрепления запаней. По поручениям уполномоченных по сплаву воинские части проводили подрывные работы по очистке рек от больших камней. Так, в Псковском уезде в 1920 г. производился подрыв камней по рекам Кебь и Редадь.¹¹

Фактором, осложняющим разрешение топливного кризиса, было распыление хозяйственных функций большим количеством учреждений. Так, в Пскове на совещании по топливной политике в июле 1920 г. собрались чиновники Губисполкома, Губсовнархоза, Губтопа, Губкомтруда, Губторфкома, Губпродкома, Гублескома. На совещании решался вопрос об объемах заготовки леса и торфа на предстоящую зиму. Помимо государственного заказа (400 тыс. куб. сажени дров, 800 тыс. пудов торфа), требовалось обеспечить топливом население, местные учреждения. Примерная чис-

ленность населения устанавливалась по данным 1917 г. и продовольственным карточкам. Норма снабжения населения определялась следующим образом: 3 человека на 1 дым, т.е. одну печку, что соответствует 1 куб. сажени дров. Но обеспечение населения топливом, даже исходя из такого «голодного» пайка, было трудновыполнимой задачей.¹² Население вынуждено было идти на самовольную вырубку леса, за что привлекалось к уголовной ответственности. В августе 1921 г., когда закончился сплав леса, Гублеском разрешил псковичам выгаскивать топляк из рек Великая и Череха. Работавшие получали половину извлеченного топляка, а вторую половину должны были сдать Гублескому.¹³

Еще одним фактором, отрицательно сказавшимся на качестве лесозаготовительных работ, стал кадровый вопрос. В 1920 г. был снят с должности начальник Гублескома Я. Тобиас. При новом руководителе – Клазере – «пышным цветом распустились всевозможные частно-заготовительные органы». В коллективном письме в Главный лесной комитет председатель Псковского Губисполкома К.В. Гей и секретарь Губкома М.П. Ушарнов сообщали, что они были вынуждены вернуть Я. Тобиаса на прежнюю должность, что, однако, не спасло положения.

В 1918-1920 гг. губерния не выполнила в полном объеме задания советских органов по заготовке и транспортировке топлива. Исключение составила ... заготовка шишек. К «операции по сбору шишечного топлива» привлекались учителя и учащиеся школ I и II ступени, население старше 50 лет, инвалиды. Причем эту работу государство обещало оплатить: сбор и вывоз 150 пудов сухих шишек приравнялся к заготовке 1 куб. сажени дров. В губернии было собрано и доставлено к железнодорожным станциям около 100 тыс. пудов шишек. Деньги, заработанные учителями и учащимися, передавались в распоряжение уездных ОНО.

В апреле 1920 г. в губернии проводилась «Неделя трудового фронта». В рамках кампании была поставлена задача заготовки топлива. Псковский торфяной комитет организовал работы по очистке канав и облегчению доступа к торфяным залежам. Каторжная тюрьма в Пскове была приспособлена под размещение деревообрабатывающего завода. В Великих Луках

учащиеся школ I и II ступеней решили восстановить парки, вырубленные горожанами зимой во время топливного кризиса. Были посажены деревья по берегам реки Ловати и в Летнем саду. В сельской местности учителя и учащиеся вышли на первомайские субботники по сбору сосновых и еловых шишек, участвовали в лесопосадках. Сельсоветы организовывали снабжение дровами семей красноармейцев.

В ноябре 1920 г. при Гублескоме создается комиссия по государственному переучету дров и всех лесных материалов. Комиссия должна была определить качество леса и распределить его для обеспечения населения, для снабжения топливом Красной Армии и промышленности, а также на экспорт. Комиссия пришла к выводу о том, что лесные ресурсы губернии истощены. Большая часть древесины, имевшейся на лесопильных заводах и складах, была низкого качества. Во время войны нарушались правила хранения дерева. Так, например, на лесопильном заводе в Сольцах, принадлежавшем ранее Герловину, комиссия нашла склад «в полном беспорядке, ряд заготовок уже 4-5 лет лежат на месте». Большинство стройматериалов можно было использовать только на дрова.¹⁴ На складе лесоматериалов «Сопки» в Великолуцком уезде часть заготовок лежала 9 лет, из них только 25% можно было использовать, т.к. остальное сгнило. После завершения работы комиссии губком партии организовал доставку рабочими выявленных лесоматериалов на железнодорожные станции.

План топливных заготовок по Псковской губернии на 1921/22 операционный год был составлен с учетом того, что леса «в некоторых уездах вырублены на 30 лет вперед». В течение предыдущих 5 лет было вырублено 18 годичных лесосек, или, как говорили специалисты: «Зарубились на 13 лет вперед». Годичный прирост древесной массы на территории губернии составлял 130 000 куб. сажени, а общегубернская потребность в лесоматериалах выражалась в 273 000 куб. сажени. Оказалось, что даже общегубернская потребность может быть удовлетворена только наполовину.¹⁵

Государственное задание по лесозаготовке было уменьшено в два раза, отпуск леса на местные нужды должен был составить 35 тыс. кубометров. Местная потребность в топливе (в т.ч. на промышленность, учреждения, Псков-

ский водосвет, самозаготовки населения) составляла 50 тыс. кубометров дров, и это без учета потребностей строительной промышленности, кустарных промыслов.

Расширение торфоразработок в губернии рассматривалось в этот период как возможный способ решения проблемы нехватки топлива в условиях истощения лесных богатств. За годы Гражданской войны добыча топлива в государстве возросла с 58 млн. пудов в 1918 г. до 92 млн. пудов в 1920 г. Кроме того, развивалась местная разработка топлива отдельными предприятиями для своих нужд. Гублеском располагал сведениями о громадных залежах торфа, запасы которого в одном только Полистовском болоте, расположенном в Холмском и Новоржевском уездах, размерами до 160.000 десятин, равнялись сотням миллионов кубов дров. Однако технических возможностей для использования этих богатств не было, увеличение финансирования торфодобычи могло дать лишь количество торфа, равное 4-5 тысячам кубов дров.

В 1921 г. была реорганизована система лесозаготовительных учреждений. Все руководство заготовкой топлива было передано Губтопу, который был снят с государственно-

го снабжения и переведен на хозяйственный расчет. Под контроль Губтопа были поставлены желескомы, обеспечивающие заготовку леса для нужд железных дорог. Губтоп выделял желескомам лесосечный фонд, устанавливал нормы оплаты заготовку и доставку леса к станциям, проверял экономность и правильность расходования желескомами средств на топливозаготовки. Губторфком вошел в состав Губтопа под названием торфяного отдела последнего. Гублеском должен был выполнять задания Губтопа, но в то же время больше внимания стал уделять лесовосстановительным работам. В Пскове были организованы курсы лесозаготовителей. Программа курсов разрабатывалась совместными усилиями Губполитпросвета и Гублескома.¹⁶

Таким образом, в период НЭПа перед лесным хозяйством Псковской губернии стояла задача преодоления отрицательных последствий топливного кризиса периода Гражданской войны: истощения лесных ресурсов, ухудшения кадрового состава работников лесного хозяйства, неэффективности органов управления, использования отработанного механизма принуждения населения к выполнению лесозаготовок.

Примечания

1. *Ленский Л.* Материалы по истории социалистического законодательства (1917-1945 гг.). – М., 1947.
2. Леса Северо-Западного края в цифрах. – Л., 1926.
3. Псковский набат. – 1921.- 16 декабря.
4. ГАНИПО. Ф.1. Оп.1. Д.48. Л.47, 61.
5. Псковский набат. Официальный бюллетень. – 1921. №1.
6. ГАПО. Ф.Р-417. Оп.1. Д.2. Л.3.
7. *Гладков И.А.* Вопросы планирования советского хозяйства в 1918-1920 гг. – М., 1951, - с.128.
8. ГАНИПО. Ф.1. Оп.1. Д.48. Л.2-3, 9.
9. *Гладков И.А.* Указ. соч. - с.140.
10. ГАПО. Ф.Р-417. Оп.1. Д.2. Л.3.
11. ГАПО. Ф. Р-417. оп.1. Д.24. Л.20, 43, 46.
12. ГАНИПО. Ф.1. Оп.1. Д.48. Л.47.
13. ГАНИПО. Ф.1. Оп.1. Д.505. Л.63 об.
14. ГАНИПО. Ф.1. Оп.1. Д.128. Л.3.
15. Новая жизнь. – Псков, 1922.- №6 - с.48.
16. ГАПО. Ф. Р-417. Оп.1. Д.65. Л.1-9.